

ЛЕКСИКА

УДК 811.512.153

DOI 10.25205/2312-6337-2018-1-46-56

М. Д. Чертыкова

*Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии
Хакасского государственного университета им. Н.Ф.Катанова*

Концепт *часка* «счастье» как отражение фелицитарной парадигмы хакасского мировидения

Статья посвящена семантико-когнитивному описанию одного из базовых лингвокультурных концептов *часка* «счастье», отражающих универсальные и специфические особенности хакасского мировидения. В ходе анализа семантики лексических средств, вербализующих данный феномен, выделяются их понятийные, метафорические, образные, ценностные составляющие. Для более полного раскрытия национально-культурной специфики в смысловом содержании данного концепта производится сравнительный анализ со средствами реализации данного концепта в других тюркских языках. Таким образом, в хакасском мировоззренческом представлении определены такие ассоциативные образные модели, как счастье – нечто трудно доступное; счастье – нечто хрупкое; счастье – жидкость; счастье – подарок; счастье – субъект и др. Каждая из этих моделей образует свое микрополе, актуализируя широкие возможности языка и обогащаясь яркими ассоциативными образами, дополнительными понятийными признаками и коннотациями. Наиболее популярным из них в хакасском мировидении является представление о счастье как об идеале – высшем уровне благосостояния, – к которому нужно стремиться, искать, находить, т.е. нужно прилагать большие усилия для того, чтобы получить это благо. Восприятие счастья как нечто трудно доступного предполагает также оппозитивное его измерение как нечто хрупкого, ускользающего и трудно удерживаемого и вербализуется соответствующими лексическими единицами. Будучи многозначной лексемой, *часка* широко представлена во фразеологической сфере. В смысловом содержании данного концепта пересекаются такие жизненно важные категории как судьба, везение, удача, что также отражается в его семантическом представлении. В целом идея счастья как источника фелицитарного блага имеет в хакасском мировоззрении как универсальные, так и национально-специфические черты. Проведенный лексико-когнитивный анализ образных составляющих концептуального поля *часка* «счастье» в хакасской языковой картине мира позволяет сделать вывод о том, что данное концептуальное пространство является очень сложной, многогранной, довольно гибкой и в метафорическом плане неисчерпаемой структурой, не имеющей четких границ. Метафорические ресурсы наименования концепта счастья *часка* (реже – *ырыс*) очень богаты и в силу необходимости придания ему конкретных лингвокультурологических характеристик требуют специального системного исследования.

Ключевые слова: концепт *часка* «счастье», лексема, образ, ассоциации, метафора, хакасский язык.

Концепт «счастье» в языковой картине мира является одним из ключевых концептов человеческого бытия и мировоззренческой и аксиологической категорией фелицитарной парадигмы. В

Чертыкова Мария Дмитриевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф.Катанова.

Контактная информация: пр. Ленина, 92. А/я 14, г. Абакан, 655017, Республика Хакасия, Российская Федерация. E-mail: chertikova@yandex.ru, тел.: +7-(3902)-22-34-94.

области гуманитарных наук, большей частью, в философии, этике и лингвистике, еще с древнейших времен обсуждаются вопросы духовно-мировоззренческой сущности человека, его жизни и судьбы. Всё возрастающий интерес учёных к этому универсальному, основополагающему, культурному концепту сформулировал новое научное направление: фелицитарное, изучающее систему знаний о счастье. При этом содержание данного понятия наполнено неоднозначным оценочным смыслом. На вопрос «что такое счастье» люди обычно дают неоднозначные ответы, а некоторые затрудняются ответить, поскольку «...главным здесь является не столько туманность и неопределенность этого понятия, сколько его «интимный» характер: ведь, формулируя свое понимание счастья, человек делает публичными свои представления о жизненном идеале, о смысле жизни и о самых сокровенных жизненных ценностях» [Воркачев, 2004, с. 83]. К сказанному хотелось бы также добавить, что понятие счастья в представлении людей, помимо интимного, приобретает также эмоциональный окрас, т.к. оно связано с такими ипостасями внутреннего мира, как смысл жизни, любовь, исполнение мечты и желаний, будущее детей, судьба, удача, полная удовлетворенность [своим] положением, благополучие, благоденствие и т.д.

Концепт «счастье» представляет большой интерес для лингвистов и является объектом исследования в разноструктурных языках с целью определения его содержательных, понятийных, образных, семантических характеристик [Воркачев, 2004; Зализняк, 2005 и др.]. Сравнительно-сопоставительные исследования проводятся для выявления национально-культурной специфики данного концепта [Бакирова, 2011; Ципинова, 2008 и др.]. Часто счастье рассматривается в рамках паремий, фольклорных и художественных произведений для выявления мировоззренческих, духовно-психологических ценностей [Русаков, 2000; Сулейманова, 2010 и др.].

Цель данной статьи – описание хакасских лексических единиц, несущих в себе фелицитарные идеи, с семантико-когнитивных позиций. Для достижения данной цели ставятся задачи определения метафорических, понятийных и образных составляющих концепта «счастье», выявления этнокультурно-специфических признаков в семантике лексем при сравнении с аналогичными эквивалентами в других разноструктурных языках. Наша статья представляет собой первую попытку этнолингвистического описания концепта *часка* «счастье» в хакасской языковой картине мира.

В когнитивной лингвокультуре семантическая организация концепта «счастье» представляет собой сложную многообразную структуру с субъективной окраской, включающую явление, процесс, признак, индивидуально-личностное отношение. В Большом толковом словаре русского языка (БТСРЯ) дается такое толкование этому слову: «счастье – состояние высшей удовлетворенности жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-л.; внешнее проявление этого чувства. Семейное с. Желая счастья. С. народа. Стремление к счастью. С. созидания [...]; 2. Успех, удача. С. в игре в любви. Военное с. [...]; 3. *Разг.* участь, доля, судьба. Эта девушка – твое с. Найти свое с. [...]; 4. В функции сказуемого. Хорошо, удачно. С. у кого есть дети. Какое с., что мы вместе! [...]; < К счастью; на счастье; по счастью; в знач. вводн. словосоч. Выражает удовлетворение по поводу чего-л. К счастью, дождь кончился [...]» [БТСРЯ, 2000, с. 1297]. Концептуальные пересечения таких категорий как «счастье», «удача», «судьба» и их языковые воплощения отражают особенности восприятия носителей и других (в частности, тюркских) языков, поэтому заслуживают пристального внимания со стороны исследователей.

Счастье по степени идеальной гармонии с окружающим миром, ощущения полного удовлетворения жизнью варьируется и / или взаимодействует с другими положительными эмоциями и чувствами, например, с наслаждением, блаженством, удовольствием, радостью. Анна А. Зализняк вслед за А. Б. Пеньковским понятия «*радость – удовольствие*», рассматривает с точки зрения аксиологической содержательной поляризации «высокое – низкое»; «духовное – плотское». Определяющими признаками данной лексической пары является то, что первое является чувством и относится к «высокому» духовному миру, а второе – всего лишь «положительная чувственно-физиологическая реакция» и относится к низшему телесному миру [Зализняк, 2005, с. 155–156]. По такой же модели автор рассматривает оппозицию «*счастье – наслаждение*»: «Сопоставление пары *радость – удовольствие* с парой *счастье – наслаждение* наводит на мысль, что они составляют «пропозицию»: *счастье* – очень большая радость – а *наслаждение* – очень большое *удовольствие*. *Радость* и *счастье* объединяются тем, что и то, и другое относится к категории «высокого» [Зализняк, 2005, с. 161]. Далее автор отмечает, что в силу того, что счастье принадлежит к «высокому» регистру, это слово ни в коей мере не является «повседневным» словом [Зализняк, 2005, с. 169].

Понятие счастья имеет субъективно-оценочный характер, поскольку оно обычно определяется ощущениями индивида. «Представлений о счастье, очевидно, столько же, сколько и людей: «... у скряги представление о счастье не может быть тем же самым, что и у расточителя; у сластолюбца –

что и у флегматика» (Гольбах). Естественно, индивидуальные представления о счастье поддаются классификации, главным образом, по своему объекту – «фелицитарному благу», составляющему его источник: внешние блага, добрые чувства, любимая работа, бескорыстные интересы (Татаркевич 1981, с. 158–168). Субъективные, индивидуальные представления о счастье зависят от типа личности, от того, какой «люфт» между реальной и идеальной судьбой является для неё приемлемым: «его (человека – С.В.) индивидуальность заранее определяет меру возможного для него счастья» (Шопенгауэр)» [Воркачев, 2004, с. 59–60]. В целом же, концепт счастье представляет собой сложную многогранную структуру, складывающуюся из различных фреймов, отражающих национально-мировоззренческие, чувственные, логические компоненты.

В хакасской языковой картине мира концепт «счастье» именуется существительным *часка* «счастье; *часка көрерге* жить счастливо; *часка чох* несчастливый, несчастный» [ХРС, 2006, с. 952]. Заимствованное с русского языка слово *часка* на сегодняшний день остается наиболее употребительным и, насколько нам известно, действует только в хакасском языке. Данная лексема находится в синонимических отношениях с *ырыс*: «1) счастье, доля; ср. *часка*; *ырызы пар* счастливый; *ырызы чох* несчастный, обездоленный; 2) успех, удача; *ырыс түзерге* выпасть (об удаче); *ырысха түстим* мне повезло; *ырызым полтырох* оказывается, [я] удачлив; \diamond *ырызы тартып* к счастью, на счастье» [ХРС, 2006, с. 1048]. Нам не встретился ни один пример с сочетанием *ырызы чох* «несчастный, обездоленный» (как указано в словарной статье), поэтому, на наш взгляд, лексема *ырыс* не может быть репрезентирована в модели отсутствия счастья. Однако, в отличие от других синонимичных слов, она легко может сочетаться с определяющим словом, поскольку характерна для художественного и поэтического дискурса: *Азыхан көңнінің ачыргазы тастынзар чарых көглернең тапталып сыххан. Анда чобаг полган, чуртастың алындагы өрчліг ырызы...* (Ап, 69) – Страдания его души вырвались наружу в песнях. Там была печаль, веселое счастье прошлой жизни... «*Чалгыс харагайның хомзынызы, сіліг ырызы* (Ап, 70) – Печаль и красивое счастье «Одинокой сосны». Лексема *часка*, как *үлүс*, может реализоваться и в значении «судьба, доля»: *сидік часка* «трудное счастье», *сын часка* «настоящее счастье», *үр сахтаан часка* «долгожданное счастье», *хоргыстыг үлүс* «страшная доля (судьба)», *аар үлүс* «тяжелая судьба», *чахсы үлүс* «хорошая судьба» и др.

Лексема *ырыс* действует и в ряде других тюркских языков, например, в киргизском, башкирском, татарском, тофаларском, алтайском, телеутском и других языках: алт. *слерге ырыс күүнзеп турум* – [я] желаю вам счастья; шор.: *Чок! Ырызын пирда тилебенча, \ \ Увы! Он счастья не ищет Ол таштабады – ырызын! \ \ И не от счастья бежит!* (Г. Косточаков) <https://vk.com/club111880077>.

Важным свойством концепта «счастье» является его целостный (неделимый) образ в представлении носителей языка, хотя в некоторых языках возможна презентация дозированного характера счастья, например, в башкирской пословице: *якшы һүз – ярты ырыс* – доброе слово – половина счастья. В хакасском же языке нам не встретился ни один пример о дозированности (половинчатости) счастья. На начальной стадии классификации содержание концепта «счастье» включает два противоречащих друг другу аспекта: его наличие и отсутствие. Оно или есть, или нет, однако в хакасском языке, как и в других языках, языковое выражение получило только отсутствие счастья: *часкам чогыл* – [у меня] нет счастья. Наличие же счастья вербально представляется опосредованными средствами в утверждаемой форме, например, *мин часкалыгбын* – я счастлив или же *миниң часкам* – мое счастье. Подобная же картина наблюдается и в русском языке: «... представление о том, что *на свете счастья нет*, отражено в русском языке в невозможности высказать утверждение, что оно *есть*» [Зализняк, 2005, с. 167].

Концепт «счастье» в хакасской языковой картине мира имеет разные коммуникативные ипостаси, осознаваемые в контексте этнокультурных традиций и национального менталитета. Каждая из них образует свое микрополе, актуализируя широкие возможности языка и обогащаясь яркими ассоциативными образами, дополнительными понятийными признаками и коннотациями. Наиболее популярным из них в хакасском мировидении является представление о счастье, как об идеале, высшем уровне благосостояния, к которому нужно стремиться, искать, находить, т.е. нужно прилагать большие усилия для того, чтобы получить это благо. В соответствии с данной установкой, хакасский язык выдает следующие фразеологические и устойчивые сочетания: *часка үчүн күрезерге* ‘бороться за счастье’, *часка сүрүзерге* ‘гнаться за счастьем’, *часка тилирге* ‘искать счастье’, *часка табарга* ‘найти счастье’, *часкаа чидерге* ‘добиться счастья; букв. добраться, догнать счастье’, *часка үчүн турызарга* ‘отстаивать [свое] счастье’, *часка хадарарга* ‘счастье охранять’ и т.д. Отметим, что подобные выражения могут быть заимствованными с русского языка. *Че, хылых хылыхха урунганда, хызы хызыл чийт тее полза, часказы үчүн чалтанмин турысхан* (Т, 4) – Но, когда характер столкнулся с характером, [его] дочь, хоть и была молодой, смело отстаивала свое счастье. [Гчең] *чуртазыңда даа сиргек хадарар синің часкаңны* (Чкч, 281) – [Твоя мама] в жизни будет бережно охранять твое счастье.

Образ «счастья», «подаренного судьбой», или как результат достигнутого за счет устремлений субъекта, обыденным самосознанием воспринимается как высший уровень материального и духовного благосостояния, благоденствия, которое в хакасском языке, помимо лексемы *часка*, передается также лексемой *чыргал* I «1) удовольствие, наслаждение, блаженство; *чыргал көрерге* испытывать наслаждение, блаженство; [...]» [ХРС, 2006, 1024]. *Пистіңнер [мал] сохханнарох, хандыра чыргал полыбысты. Мин ідөк прайзыңарны хыгырчам* (П, 27) – Наши тоже кололи скот, у нас такое блаженство (т.е. много мяса). Я приглашаю вас всех (на угощение). Данная лексема, по свидетельству В. И. Рассадина, заимствована из монгольского языка: «... ср. – монг. *jiryal* «счастье, наслаждение» > хак. *чыргал*, но совр. х.-монг. *жаргал*, бур. *жаргал*...» [Рассадин, 1980, с. 12]. В шорском языке *чыргал* обозначает «угощение», *чыргат-* «угощать» [ШРиРШС, 1993, с. 144]. Наиболее часто в хакасском языке употребляется глагол *чыргирга* «1) получать удовольствие, наслаждаться довольством, достатком; *чырган чуртирга* жить в большом достатке; *чырган одырага* а) жить, имея все в достатке; б) жить припеваючи; 2) угощаться, кормиться; *тогынмин даа чыргирга* не работая, есть сытно (обильно); 3) веселиться, ликовать, торжествовать; *чыргал чыргирга*» [ХРС, 2006, с. 1024]. Семантика данного глагола экспрессивна, с оттенком оценочности и неодобрения, и указывает на материальную обеспеченность, незаслуженное благополучие субъекта. *Иче – пабазының мойнында одырып, чыргача* – Не работая, (букв. сидя на шее у родителей), [он] живет припеваючи. *Кізі чуртында чырган, хараң хызарча* – Живя (в благополучии) в чужом доме, с жиру бесишься (букв. [твои] глаза краснеют).

Восприятие счастья, как нечто трудно доступного, предполагает также оппозитивное его измерение как нечто хрупкого, ускользающего и трудно удерживаемого вербализуется в языке такими выражениями, как: *часка чидіреге* ‘терять счастье’, *часканы [холдаң] позыдыбызарга* ‘упустить счастье [из рук]’, *часка сайбирга* ‘нарушить счастье’, *часка чарарга* ‘счастье разбить’ и т.д. *Нога андаг иртіре уятчыл полган – позы даа анзын пілбинче. Аннаңар даа улуг часказын холынаң позытхан полбас па за* (Чкч, 275) – Когда любимый парень к ней подходил, Тана тут же убежала. Почему она была такой стеснительной – сама не знает. Наверно поэтому упустила с рук свое большое счастье. *Сагысырастары, тогыстары пір. Алнынзар көрістері пірөк. Чох, ол часканы чар полар кізі табылбаадаг* (Т, 5) – [У них] заботы, работа одна. Взгляд в будущее тоже одно. Нет, этого счастья никто не сможет разбить. Корреляты, противоположные признаку «стремление к счастью», и демонстрирующие пассивность субъекта, вербализуются во фразеологических единицах: *часка сахтирга* ‘ждать счастья’, *часка көрерге* ‘быть счастливым (букв. видеть счастье)’, *часка көрбеске* ‘быть несчастливым (букв. не видеть счастья)’, *часкаа таныттырарга* ‘быть узнаваемым счастьем’, *ырыс толарга* ‘наполняться счастьем’ и т.д. – *Сагыпчам ырысты хайдаң даа* (Тч, 54) – Жду счастья хоть откуда-то.

Лексемы *часка* и *ырыс* в сочетании с глаголом *тол-* / *толарга* ‘наполняться’ представляют собой метафору сравнения с жидкостью, заполняющую сердце, глаза, душу (*ырыс / часка харахха толарга* «глаза заполняются счастьем», *ырыс / часка чүрекке толарга* ‘сердце заполняется счастьем’, *ырыс / часка көңніне толарга* ‘душа заполняется счастьем’), и в которую можно погружаться (*ырысха / часкаа патарга* ‘погружаться в счастье’). *Өкерек харахтары өрчліг чылтырасчалар ирензер. Оларга ырыс тол парган* (Чкч, 179-180) – [Ее] красивые глаза светятся, они наполнены счастьем. Подобную же «жидкостную» метафору счастья отмечает Л. Х. Ципинова в английском и кабардинском языках [Ципинова, 2008, с. 60]. Глаголы *пат-* ‘погружаться’ и *тол-* ‘наполняться’ могут сочетаться и с лексемой *өрініс* ‘радость’: *өрініске патарга* ‘погружаться в радость’; *чүрекке өрініс толча* ‘сердце наполняется радостью’.

В ожидании счастья можно уповать на высшие силы или на кого-либо извне: *часка сурынарга* ‘просить счастья’, *часкаа ізенерге* ‘надеяться на счастье’ и др. *Бстыг чуртымны ирбеннирбін, ырыс-часканы ызыңар* (Тч, 55) – Я буду окуривать свой дымный дом, отправляйте счастье. Занимая пассивное положение, субъект может надеяться на счастье: *Постаң туста чуртас изілче, часка, хынысха ізендірче* (Тч, 64) – В молодости жизнь бурлит, дает возможность надеяться на счастье, любовь. Если значение «сделать кого-либо счастливым» в русском языке реализуется глаголом *осчастливить*, то в хакасском языке возможны лишь фразеосочетания *часка сыйлирга* ‘подарить счастье’ или *часканаң сулгирга* ‘заворачивать в счастье’. *Андаг даа полза, алгыс сагаа, Андрас, часка сыйлаан үчүн* (Чкч, 274) – Но все равно, Андрас, я благодарна тебе за то, что ты подарил счастье. Как видим, во взаимоотношениях человека со счастьем актуализируются аксиологические оппозиции: активность и пассивность человека в его стремлении быть счастливым. Счастье представляется может представляться как субъект: *Прайзы чаксы чуртирга сагынча, че прайзын часка хучахтабинча* (Г. Кичеев) –

Все хотят жить хорошо, но счастье обнимает не всех. «Часка, кил!» – алданчам (Тч, 67) – Я иду по широкому полю, умоляю: – Счастье, приди!

В хакасской ценностной мировоззренческой культуре семейное счастье связано, прежде всего, с благополучием в доме, большим количеством детей и скота, здоровьем близких и т.д. – *Орта чоох-тапчазар, ууча. Минің Казонкам ол саринаң иптiг. Анзы минің часкам, ууча, – тiпче Чылтыс* (Хабар, 2018, 2 февраль, с. 9) – Правильно говорите, бабушка. Мой Казанка в этом отношении хорош. Он моё счастье, бабушка, – говорит Чылтыс. *Часка – палаларда* – Счастье – в детях. Счастье воспринимается и как покой и комфорт в родном доме: *Хайдаг часка, хатап ибдезим, таңда пазох – Азбан, үгредiг* (Тч, 26) – Какое счастье, я опять дома, завтра снова – Абакан, учеба. В подобных высказываниях, где говорящий демонстрирует свое понимание счастья, подчеркивается многомерность и разнообразие смыслового содержания концепта «счастье».

Понятия «счастье» и «благополучная жизнь» являются доминантным аспектом в хакасских благопожеланиях, произносимых в различных жизненных ситуациях: свадьба, юбилей, разрезание путов у ребёнка и др. Однако в такой ситуации слова *часка* и *ырыс* не используются, а согласно традиционной тюркской обрядовой поэзии, эти понятия реализуются косвенно, через образы разных объектов материального мира. *Тураа толдыра пала ползын, хазаага толдыра мал ползын!* – Пусть будет дом полон детей, пусть будет стайка полна скота! *Үзілбес чурт ползын, тоозылбас хоньх ползын* – Пусть будет непрерывный род [букв. дом], пусть будет нескончаемая жизнь. *Тоозылбаадаг той ползын, үзілбедег чыргал ползын* – Пусть будет нескончаемая свадьба (праздник), пусть будет непрерывное благоденствие.

Аналогичные же образные ассоциации благополучной жизни с предметами и явлениями быта реализуются и в алтайских благопожеланиях: *Таш очогор оодылбазын, талкан-күлигер чачылбазын. Одырган одоор чокту болзын, Отурган јуртаар энчилү болзын* – Пусть каменный очаг не расколется, Пусть талкан-зола не рассыплется (букв. не будут раскиданы). Пусть зажженный огонь ваш жарким будет, пусть дом ваш мирным будет [из: Тадина, 1995, с. 134]. Таким образом, тюркские благопожелания отражают основные базовые ценности и особенности национального мировосприятия народа. Однако современные благопожелания исполняются обычно по сценарию русского языка, например, *Сiрерге хазых, часка, чидiглер ползын* – Желаю счастья, здоровья, успехов.

Высокой активностью характеризуется также и другая образная составляющая концепта «счастье» – это его персонификация, связанная «с мифологическим мышлением древнего человека, в восприятии которого живой и неживой мир выступали нераздельно» [Приходько, 2013, с. 246]. Образно-субъективное воплощение счастья происходит при описании любовных отношений между мужчиной и женщиной. *Пар ни чир үстүнде мыннаң артых ырыс. Син паарланчазың көлленізіңе, тооза пиринчезің аның холына* (Чкч, 183) – Есть ли на свете счастье больше, чем это. Когда прижимаешь к себе свою любовь, полностью отдаешься в ее руки. В данной метафорической модели чаще используются глаголы со значением движения и перемещения: *часка килче* ‘счастье приходит’, *часка парыбысхан* ‘счастье ушло’, *часка хыринча ирт парыбысхан* ‘счастье прошло мимо’, *часка аар айланыбысхан* ‘счастье отвернулось’, *часка ас чөрче* ‘счастье блуждает где-то’ и т.д. *Арса, ас чөрче ырызым, соол парган ма, чiт парган* (Тч, 74) – Или заблудилось [мое] счастье, или высохло, исчезло.

В когнитивном сценарии *часкаа* (*ырысха*) *тогазарга* ‘встретиться со счастьем’ *часка / ырыс* выступают номинантом любимого человека при условии взаимной любви, как, например, в выражениях типа: *Ол – синің часқаң* – Он – твоё счастье или, например, в алтайском языке: *Бу кыс – сениң ырызың* – Эта девушка – твоё счастье [РАС, 662]. В шорском языке также любимый человек может именоваться любовью: *Мен аланче чатпадым – Ырызым чоқ полган* (Косточаков, 2013, с. 27) – Я раньше не жил – [У меня] не было любимого человека (букв. счастья) [перев.: М. Ч.]. Подобные восприятия семантико – когнитивных ситуаций мы считаем результатом влияния русской концептуальной картины мира.

Модификация акцентирования счастья с позиции оценки связано с имплицитным объективным измерением положения, ситуации в случаях восприятия его в качестве неожиданной, внезапной удачи и фортуны. Здесь доминирующим аспектом образного выражения концепта «счастье» является фактор случайности, когда наступает благоприятный момент или условие не как результат целенаправленной деятельности и стремления субъекта к счастью, а в силу случая, повлиявшего на положительный результат. «Соотнесенность счастья с удачей, судьбой наделяет его такими качествами, как непредсказуемость и предопределенность одновременно» [Унарокова, Унарокова 2012, с. 245]. К тому же понятиям «удача» и «везение» свойственны признаки «независимость от воли человека» и / или же, наоборот, «содействие высших сил». Ценностные категории «судьба», «удача», «везение» пересекаются в содержании концепта «счастье» и их языковое воплощение отмечаются в восприятии

носителей других разноструктурных языков [Колесов 2002; Урбанович 2007 и др.]. В хакасской фразеологии благоприятная ситуация удачи и везения выражается сочетанием слов *часка* и *ырыс* с глаголами *түзерге* 'упасть', *урунарга* 'столкнуться', *тартарга* 'тянуть', а понятия неудачи и невезения раскрываются фразеологическими сочетаниями: *часка (ырыс) полбасха* 'не быть счастьем (удаче, везению)', *часка (ырыс) хыйа парарга* 'счастье (удача, везение) отходит'. В приведенных метафорических моделях с глаголами лексические единицы *часка* и *ырыс* реализуются наравне с незначительными сдвигами в пределах определенного семантического пространства. – *Ырызың хыйа парбазын, палам, – істінде сағын салған. Хайдаң сизінер Сыңзай ічезі хайдаг сағыстарга пастырчатханын. Анзын іче ле чүрее пілер...* (Ап, 54) – Пусть [твоя] удача будет с тобой, дитя [мое], – подумала она про себя. Откуда знать Сынзай, какие мысли одолевают ее мать. Об этом знает только сердце матери...

В микрополе «удача, везенье» *часка* синонимизируется со следующими лексемами: «[...] **ырыс** «счастье, доля, успех, удача». *Ырызын сахтап, чүрек сабылча, часхы пулуттар көңнім өөрлетче* (Чп) – Сердце бьется в ожидании [своего] счастья, весенние облака вдохновляют мое сердце; **үлүс** «судьба, удача, доля, счастье». *Иртечі – ікі үлүстіг, уйгучы – пір үлүстіг* (посл.) – Кто рано встает – имеет две доли, а кто любит спать – только одну долю [соотв. русск.: Кто рано встает – тому бог подаёт]; *Тайгада махтанма – үлүзіңнең халарзың* (посл.) – В тайге не хвастай – без доли останешься; **талаан** «счастье, доля, судьба, удача, везение». *Улуг частыг кізі поэзының адын пірее палаа пирібіссе, талаанын, хуйағын пирібіскенге саналчаң* (Хч, 1993, 72, 4) – Считалось, если пожилой человек назовет младенца назовет своим именем, то отдавал ему [свое] счастье и удачу; **оң** «удача, везение». *Чолга сыгарда ічем хачан даа магаа оң ползын тіп алгап пирчең* – Перед отправлением в путь мама всегда благословляла меня на удачу; **арбан** «счастье». *Чиитернің чуртазында арбан илбек ползын* – Пусть в жизни молодых будет много счастья; **үлчей** «удача, счастье». *Чолыңда үлчей ползын, – тіп пулбыран халгам мин* (Ат, 38, 73) – Пусть тебе удача будет в пути, - тихо прошептал я [ССХЯ, 2014, с. 177].

Соотношение счастья с успехом, удачей, везением в семантике лексемы *ырыс* встречается и в других языках, например, в алтайском языке: *така таап алганы – ырыска* – найти подкову – к счастью [РАС, 2016, с. 662].

Лексема *үлүс* изначально имеет нейтральную коннотацию и характеризуется наличием тонкой грани между концептуальными классификаторами: доля, участь, везение, удача, судьба. По подобной же семантической модели данное слово употребляется и в телеутском языке: *үлеш* 'доля, надел, часть', а также в киргизском: *үлүш* I. 'часть доля, следуемая кому-л.'. Аксиологические пересечения категорий «судьба», «удача», «доля», «счастье», «судьба» в семантической структуре одного слова *үлүс* обусловлены тесными связями и ментальной значимостью этих понятий в мировидении носителей языка. В хакасском языковом сознании *үлүс* может выпасть (*түзерге*) (как и в русском языке): *үлүс түсті магаа* – 'мне выпало счастье (удача)'; быть (*поларга*): *улуг алыптың үлүзі үс поладыр* – погов. 'у настоящего богатыря бывает три доли'; *үлүзім полтырох* 'оказывается, и [я] везучий (и мне повезло)'; прийти (*килерге*): *үлүс поэзы килчең ниме нимес* – погов. 'счастье само не приходит; наличествовать' (*пар* 'есть'): *кізінің үлүзі пар ла поладыр* – погов. 'у человека всегда бывает своя доля (удача)'; тянуть (*тартарга*): *синің апсааң угаа чахсы кізі, үлүзің тартхан полбас па* – 'у тебя муж очень хороший человек, наверно вас свела судьба (букв. тянула судьба)'; взять (*аларга*): *чазаг кізінің үлүзін аттыг албас* – посл. 'пешего долю не поймет конный', *кізі үлүзін кізі албинча* – посл. '[твоя] долю чужой не возьмет (букв. долю человека человек не возьмет)'. В большинстве случаев границы между значениями *доля*, *судьба* и *удача* в семантике лексемы *үлүс* конкретизируются в ее сочетательных возможностях, например, *сидік үлүс* 'тяжелая доля; тяжелая судьба', *үлүзіңе пичеленме* 'не расстраивайся из-за своей участи', *худай пирген үлүс* 'судьба (участь), дарованная богом', *часкалыг үлүс* 'счастливая судьба (доля)' и др. Нужно отметить, что лексема *үлүс* имеет очень гибкую и подвижную структуру, отражающую базовые значимые ценности, о чем свидетельствует широкая сфера ее использования.

Лексема *талаан* «1) счастье, счастливая доля, судьба; *талааны чох* несчастливый; 2) удача, везение; *талаан түсті* счастье выпало (повезло); *талаан полбады* не повезло; ◊ *мал талааны* животное-амулет (именно в нем якобы хранится благополучие скота); *талаан тартып* к счастью; † *постың талаанын кізее пирбечең* посл. свое счастье не отдают другим; *хорыхпасха талаан полысча* погов. бесстрашному счастье помогает» [ХРС, 2006, с. 579]. – *О - о, іди полза, піске дее хандыра талаан полтыр, йа!* (Ка, 76) – О-о, если так, то нам крупно повезло, оказывается! Данная лексема с идентичным значением, но с пометой «устарелая» и «народно-поэтическая» зафиксирована и в толковых словарях русского языка, например, *талан* «счастливая доля, судьба; успех, удача» [БТСРЯ, 2000, с. 1304]. Она также используется в других тюркских языках, например, башк.: *талан* «уст. удача, счастливая доля; *талан прост.*; *таланы бар* ему везёт; *таланһыз буљуу* быть невезучим, неудачливым» [БРС, 1996, с. 580]; тат.: *талан* сущ.; редко счастье, удача, везение; *талан ялан-ялан ни талан?*

(погов.) что за беспрерывная удача? (о сомнительных по происхождению удачах и находках) [ТРС, 2007, с. 303]; як.: *талаан* II удача, счастье, везение (обычно в охоте); *тарбах талаана билкэбэ* (всё) решит удачливая рука (говорится, когда что-л. делается на авось) [ЯРС, 1972, 373].

Из-за звукового сходства лексема *талаан* обычно идентифицируется как производная от *талант* «природная способность, одаренность». Михаил Александрович Володин *олганнарнаң тогынарга Худай пирген таланттыг үгретчи полган тирге чарир* (Хабар, 2018, 2 февраль, с. 15) – У Михаила Александровича Володина был учитель с талантом от Бога работать с детьми. Часто в написании слов *таланттыг* «талантливый» и *талаанныг* «удачливый» допускаются ошибки, например, в данном предложении предположительно, реализовалось значение: талантливый руководитель совхоза: *Атаев Турды Атаевич, миллион парыстыг колхозтың устагчызы, Туркмен ССР-да. Хайдаг талаанныг. Амды аны прай страна пилче* (II, 55) – Атаев Турды Атаевич, директор колхоза – миллионера в Туркменской ССР. Какой талантливый. Теперь его знает вся страна.

Однако этимологическая история слова *талант*, первоначально обозначающего единицу веса, оказывается весьма интересной: «Метонимически – сам предмет, имеющий данный вес. Такое значение слова *талант* отмечается не только в греческом и латинском языках, но и в древнерусском. По наблюдениям И. И. Срезневского, русичи использовали данное слово в значении «кусочек металла» большого веса [17, с. 921]. Позднее *талант* стал обозначать расчетную единицу веса денежного (золотого или серебряного) достоинства» [Романов, 2011, с.107]. Лексема же *талаан* имеет исконно тюркское происхождение: «счастье, удача», «прибыль, находка» <...> Заимст. из тюрк., ср. чагат., тур. *talan* «добыча», казах. *talan* «счастье» [ЭСРЯ, 1986-1987, с. 14]. Предполагаем, что семантическая цепочка «добыча» – «удача» – «прибыль» может исходить от общетюркской основы *тала-* / *талирга* «грабить, разрушать», что подтверждается наличием в некоторых тюркских языках лексемы в соответствующем значении, напр., кирг.: *талаан* (ср. *талан*) «1) грабеж, разграбление; *талаанга түш* – быть разграбленным, ограбленным; *талаанга түшкөн мал* – награбленный скот, награбленное имущество; *талаан сал* – предать разграблению; *талаан-чачын* или *талаан-бүлүн* – поток и разграбление» [КРС, 1985, с. 196]. Эта же лексема присутствует и в монгольском языке: *талаан* «грабёж»; *алаан талаан* «грабежи и убийства» [БАМРС, 2001, 583]. Как видим, такая ситуация демонстрирует различные семантические эволюции лексем *талаан* и *талант*, которые рациональнее всего рассматривать как разные лексемы (омонимы).

Лексема *оң* в хакасском языке как самостоятельная единица не употребляется, а только в сочетании с глаголом *пол-* / *поларга* ‘быть’ может передавать значения «удача» и «везение»: «*писке пүүн оң полды* нам сегодня повезло, у нас сегодня крупная удача; *оң полып* к счастью; *оң полбин парды* не повезло; *оң полза* если удастся (если повезет, при удаче); *оң ползын* пусть [тебе] повезет» [ХРС, 2006, с. 303]. – *Чарир, Кодур-оол!* – *тидир*, – *Оң ползын сагаа!* (Хл, 63) – Ладно, Кодур – оол! – говорит. – Удачи тебе! (Пусть повезет тебе!). Однако, в отличие от хакасского *оң пол-*, киргизская лексема *оң* представляет богатую семантическую структуру: *оң* [...] 2. подходящий, соответствующий, удачный, благоприятный, благотворный; положительный; *иш оң* дела хороши; *ишиң оңбу?* Хороши ли твои дела?; *оң болор эле* было бы хорошо (если бы...); *замандын оңуна түш келип* благодаря благоприятному стечению обстоятельств; *жол оңунан!* Предстоит удача! Дело идет на лад! [...] [КРС, 1985, с. 70]. Так же употребляется и глагольная форма *оң-* II 1. быть удачным, удачливым; наладиться: *колго түшкөн коёнду коё берген оңорбу?* Разве будет толк из того, кто выпускает из рук пойманного зайца?; *асты оңбо!* Чтоб тебе никогда не видать добра [...] [КРС, 1985, с. 70].

Следует обратить внимание на тот факт, что при трансформации понятия счастья в удачу и везение семантический акцент перемещается от внутреннего, душевного состояния субъекта на внешние факторы. При этом содержание метафорических моделей передает счастье (удачу, везение) не как переживание, а как благоприятное / неблагоприятное событие. Помимо личностных и социальных факторов в семантике сочетания *оң пол-* ‘пусть будет удача’ присутствует фактор случайности.

Отрицательные коннотации рассматриваемого концепта усиливаются и конкретизируются в лексемах: *часка чох* ‘несчастливый, невезучий’, *талаан чох* ‘несчастливый, невезучий’, *үлүзі чох* ‘невезучий’, передающих, прежде всего, системные качества человека, а не обстоятельства и ситуации. Определение «невезучий» выражает систематическое невезение и неудачи, преследующие кого-л. В хакасском языковом сознании отмечается двойное отношение к невезучим и несчастным людям, которые, с одной стороны, вызывают у окружающих жалость, сочувствие и желание помочь. *Ол часка чох ибінең сыгара сүрдүрүбіскен, аңнап – чуртаан чирине пір дее нима чох айланган* (Хл, 63) – Его, несчастного, выгнали из дома, в места, где жил и охотился, он вернулся ни с чем. С другой стороны, наблюдается некоторая недоброжелательная тональность по отношению к несчастным людям. – *Чох, нанчың пол полбассым мин синің*, – *тидир Кодур-оол*, – *Син талаан чох кизиң* (Хл, 65) – Нет, я

не смогу быть твоим другом, – говорит Кодур-оол, – Ты невезучий человек. – *Пайзың син, чазаглыззың, че часка чохсың. Чүреең чогул синиң. Син магаа хырт көрүнчезиң, мин пір дее көрерге хынминчам сини* (Хл, 62) – Ты богат, красив, но несчастен. У тебя нет сердца, Я ненавижу тебя. Я не хочу тебя видеть. Выражения *часказы чох, талааны чох, үлүзі чох* воспринимаются как предостережение для окружающих: с этим человеком нельзя близко взаимодействовать, чтобы «не заразиться его невезучестью».

Введение в конструкцию лексем *ырыс* или *часка* в качестве вводного слова в хакасском языке, на наш взгляд, является влиянием русского языка в билингвальной атмосфере, ср. *к счастью*: – *Күрдей, паза миннең тогынмасың. Ырысха, – тістерін хычырат халған Орлов. Анзына Күрдей, пір дее тапсабин, сыға халған* (Ап, 65) – Курдей, больше не будешь со мной работать. К счастью, – сквозь зубы сказал Орлов. Курдей, ничего не ответив, вышел. Употребление данной лексемы в высказывании субъекта сопровождается вероятностной экспектацией и подразумевает положительную оценку некоей ситуации или события. Однако вместе с тем имплицитно выражается оценка противоположной ситуации: если бы не случилось таким образом, то было бы плохо.

Таким образом, в хакасском мировоззренческом представлении счастье получает вербализацию в ассоциативных образных моделях: счастье как нечто трудно доступное, еле уловимое; счастье как нечто хрупкое; счастье как жидкое вещество; счастье как подарок; счастье как субъект и др. Будучи многозначной лексемой, *часка* широко представлена во фразеологической сфере. В смысловом содержании данного концепта пересекаются такие жизненно важные категории как судьба, везение, удача, что также отражается в его семантическом представлении. В целом, идея счастья, как источника фелицитарного блага в хакасском мировоззрении имеет как универсальные, так и национально-специфические черты. Проведенный лексико-когнитивный анализ образных составляющих концептуального поля *часка* «счастье» в хакасской языковой картине мира позволяет делать вывод о том, что данное концептуальное пространство является очень сложной, многогранной, довольно гибкой, не имеющей четких границ, и в метафорическом плане неисчерпаемой структурой. Метафорические ресурсы наименования концепта счастья *часка* (реже – *ырыс*) очень богаты и в силу необходимости придания ему конкретных лингвокультурологических характеристик требуют специального системного исследования.

Список литературы

- Бакирова Г. А.* Вербализация концепта «счастье» в татарском и английском языках: Автореф. ... канд. филол. н. Казань. 2011.
- Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 192 с.
- Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // Ключевые идеи русской языковой картины мира. Сб. ст. М.: Языки славянской культуры. 2005. С. 153–175.
- Карпова Н. С.* Концепт «счастье» в чувашской лингвокультуре // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2015. № 4. С. 41–45.
- Колесов В. В.* «Судьба» и «счастье» в русской ментальности // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. Сборник к 75-летию профессора М. Я. Корнеева. Серия «Мыслители». Вып. 11. СПб., 2002. С. 98–106.
- Косточаков Г.* Ветка родимого кедра. Книга созвучной лирики. Томск: Издательство «Ветер», 2013. 142 с.
- Приходько А. Н.* Концепты и концептосистемы. Днепропетровск: Издатель Белая Е. А., 2013. 307 с.
- Рассадин В. И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских языках. 1980. М.: Изд-во «Наука». 117 с.
- Романов Д. А.* Бесталаный // Русская речь. 2011, № 6. С. 103–109.
- Русаков В. Г.* Концепт счастья в романах «Машенька» Набокова и «Вечер у Клэр» Газданова // Газданов и мировая культура. Калининград, 2000. С. 117–134.
- Сулейманова Д. Д.* Лексико-семантическое поле с ключевой лексемой «благосостояние» в русском, татарском, английском и испанском языках (сегмент «внешние характеристики благосостояния») // Вестник ТГГПУ, 2010. № 3(21). С. 170–174.
- Тадина Н. А.* Алтайская свадебная обрядность (XIX-XX вв.). Горно-Алтайск: Горно-Алтайское республиканское книжное издательство «Уч-Сюмер». 1995. 207 с.

Унарокова Р. Б., Унарокова Г. Ш. Лингвокультурный концепт «насып/счастье» в адыгейском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. №2. С. 244–247.

Урбанович Г. Н. Генетическая характеристика лексико-семантического поля «судьба, счастье, удача» в русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. Москва. 2007.

Цитинова Л. Х. Образная составляющая концепта «счастье» в русской, английской и кабардинской языковых картинах мира // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. № 3. С. 59 – 64.

Список библиографических источников

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах. Под общ. ред. ак. АН Монголии А. Лувсандэндэва и доктора филол. наук, проф. Ц. Цэдэндамба. Отв. ред. доктор филол. наук, проф. Г. Ц. Пюрбеев. Ок. 70000 слов. М.: АCADEMIA. 2001. 2007 с.

БРС – Башкирско-русский словарь: 32000 слов / Российская академия наук. Уфимский научный центр. Академия наук Республики Башкортостан; под ред. З. Г. Ураксина. М.: Дигора, Рус.яз., 1996. 884 с.

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка. Автор и руководитель проекта и главный редактор С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт. 2000. 1536 с.

КРС – Киргизско-русский словарь. В двух книгах около 40 тысяч слов. Составил профессор К. К. Юдахин. 2 книга: Л – Я. Фрунзе: Главная редакция Киргизской советской энциклопедии. 1985. 480 с.

РАС – Русско-алтайский словарь. В 2-х томах. Том II (П–Я) / Редколлегия: канд. филол. наук А. Э. Чумакаев (отв. ред.), канд. филол. наук А. Н. Майзина, канд. филол. наук А. А. Озонова, канд. филол. наук Н. Д. Алмадакова; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2016. 896 с.

ССХЯ – Кызласова И. Л., Чертыкова М. Д. Словарь синонимов хакасского языка / Хакас тілінің синонимнер сөстiгі: Справочное издание. Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2014. 228 с.

ТРС – Татарско-русский словарь: в 2 т. Т.2 (М–Я). Казань: Магариф, 2007. 726 с.

ХРС – Хакасско-русский словарь. Авторы: О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков, А. И. Инкижекова – Грекул, Д. Ф. Патачакова, О. В. Субракова, П. Е. Белоглазов, З. Е. Каскаракова, А. С. Кызласов, Р. Д. Сунчугашев, М. Д. Чертыкова. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

ЭСРЯ – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перев. с нем. яз. О. Н. Трубачева, с дополнениями. Под ред. и с предисловием проф. Б. А. Ларина. М.: Прогресс. Второе издание. 1986–1987. Т. IV. 576 с.

ЯРС – Якутско-русский словарь. 25 300 слов. Под ред. П. А. Слепцова. М.: Изд-во «Советская энциклопедия». 1972. 568 с.

ШРиРШС – Курпешко – Таннагашева Н.Н., Апонькин Ф.Я. Шорско – русский и русско – шорский словарь. Кемерово: Кемеровское книжное издательство. 1993.153 с.

Список иллюстративных источников

Ап – Халларов А. Ах пулуттар. Чоохтар. Агбан: Хакас книга издательствозы. 1999. 144 с.

Ка – Султреков А. Күнүр ағас. Повесть. Абакан: Хак. кн. изд-во. 1996. 96 с.

Т – Казачинова Г., Халларов А. Той. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва. 1979. 157 с.

Тч – Казачинова Г.Г. Төлібіс чулазы (Древо жизни): стихи и переводы. На хакасском языке. Абакан: ДиалогСибирь-Абакан, 2010. 140 с.

Хабар – Республиканская общественно-политическая газета.

Хл – Хакас литературазы. Хрестоматия 4 класса. Тимнееннер У. Н. Кирбижекова, И. Ф. Коков. Абакан: Хызылчар книга издательствозының Хакасиядағы пөлігі. Абакан. 1977. 139 с.

Чкч – Чарых күннig чирім. Солнечный мой край. Сборник художественных произведений хакасских авторов. Абакан. 2007. 348 с.

M. D. Chertykova

*Institute of Humanities and Sayan-Altai Turkology of Katanov Khakass State University, Abakan,
The Republic of Khakassia, Russian Federation; chertikova@yandex.ru*

**The concept of the *часка* «happiness» as a reflection
felicific paradigm of the Khakass worldview**

The article is devoted to the semantic-cognitive description of one of the basic and reflecting universal and specific features of the Khakass worldview of the linguocultural concept of the "happiness" *часка*. In the analysis of the semantics of lexical means that verbalize this phenomenon, their conceptual, metaphorical, figurative, value components are highlighted. For a more complete disclosure of the national and cultural specifics in the semantic content of this concept, a comparative analysis is carried out with the means of implementing this concept in other Turkic languages. Thus, in the Khakass world view, such associative imaginative models as happiness are identified as something that is difficult to access; happiness is like something fragile; happiness is like a liquid; happiness is a gift; happiness - as a subject, etc. Each of these models forms its own microfield, actualizing the wide possibilities of the language and enriching with bright associative images, additional conceptual signs and connotations. The most popular of them in the Khakass worldview is the idea of happiness as an ideal – the highest level of well-being, to which one should strive, seek, find, ie, you need to make great efforts to get this benefit. The perception of happiness, as something difficult to access, also assumes its oppositional dimension as something fragile, elusive and difficult to hold, verbalized by the appropriate lexical units. Being a multivalued lexeme, the *часка* is widely represented in the phraseological sphere. The semantic content of this concept intersects such vital categories as fate, luck, luck, which is also reflected in its semantic representation. In general, the idea of happiness, as a source of the felicific good, in the Khakass worldview has both universal and nationally specific features. The lexico-cognitive analysis of the figurative components of the conceptual field of the "happiness" *chakka* in the Khakassian language picture of the world makes it possible to conclude that this conceptual space is very complex, multifaceted, rather flexible, with no clear boundaries, and metaphorically an inexhaustible structure. The metaphorical resources of the name of the happiness concept of a *часка* (rarer) are very rich, and due to the necessity of giving it specific linguocultural characteristics, a special systemic investigation is required.

Keywords: concept of *часка* «happiness», lexeme, image, association, metaphor, Khakass language.

References

- Bakirova G.A. *Verbalizaciya koncepta «schast'e» v tatarskom i anglijskom yazykah*: Avtoref. ... kand. filol. n. [Verbalization of the concept of "happiness" in Tatar and English: Author's abstract. ... cand. philol. n.]. Kazan'. 2011.
- Cipinova L.H. *Obraznaya sostavlyayushchaya koncepta «schast'e» v russkoj, anglijskoj i kabardinskoj yazykovyh kartinah mira* [The visual component of the concept of "happiness" in Russian, English and Kabardian language pictures of the world]. In: Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. 2008, no 3, pp. 59–64.
- Karpova N.S. *Koncept «schast'e» v chuvashskoj lingvokul'ture* [The concept of "happiness" in the Chuvash lingvoculture]. In: Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. 2015, no 4, pp. 41–45.
- Kolesov V.V. *«Sud'ba» i «schast'e» v russkoj mental'nosti* ["Fate" and "Happiness" in the Russian mentality]. In: Razmyshleniya o filosofii na perekrestke vtorogo i tret'ego tysyacheletij. Sbornik k 75-letiyu professora M. Ya. Korneeva. Seriya «Mysliteli». Saint-Petersburg, 2002, iss. 11, pp.98–106.
- Prihod'ko A.N. *Koncepty i konceptosistemy* [Concepts and concept systems]. Dnepropetrovsk: Izdatel' Belaya E. A., 2013. 307 p.
- Rassadin V.I. *Mongolo-buryatskie zaimstvovaniya v sibirskih yazykah* [Mongolian-Buryat borrowing in Siberian languages]. Moscow: Izd-vo «Nauka», 1980. 117 p.
- Romanov D.A. *Bestalannyj* [Mediocre]. In: Russkaya rech'. 2011, no 6, pp. 103–109.
- Rusakov V.G. *Koncept schast'ya v romanah «Mashen'ka» Nabokova i «Veher u Klehr» Gazdanova* [The concept of happiness in the novels "Mashenka" Nabokov and "Evening with Claire" Gazdanov]. In: Gazdanov i mirovaya kul'tura. Kaliningrad, 2000, pp. 117–134.
- Sulejmanova D.D. *Leksiko-semanticheskoe pole s klyuchevoj leksej «blagosostoyanie» v russkom, tatarskom, anglijskom i ispanskom yazykah (segment «vneshnie harakteristiki blagosostoyaniya»)* [The lexico-semantic field with the key "welfare" lexeme in Russian, Tatar, English and Spanish (the "external welfare characteristics" segment)]. In: Vestnik TGGPU, 2010, no 3(21), pp. 170–174.
- Tadina N.A. *Altajskaya svadebnaya obryadnost' (XIX-XX vv.)* [Altai wedding ritual (XIX-XX centuries)]. Gorno-Altajsk: Gorno-Altajskoe respublikanskoe knizhnoe izdatel'stvo «Uch-Syumer». 1995. 207 p.
- Unarokova R.B., Unarokova G.Sh. *Lingvokul'turnyj koncept «nasyp/schast'e» v adygejskom yazyke* [Linguistic culture concept "mound / happiness" in the Adyge language] / Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. 2012, no 2, pp. 244–247.

Urbanovich G.N. *Geneticheskaya harakteristika leksiko-semanticheskogo polya «sud'ba, schast'e, udacha» v russkom yazyke*: Avtoref. ... kand. filol. nauk [Genetic characteristics of the lexical and semantic field "fate, happiness, luck" in the Russian language: Author's abstract. ... cand. philol. science]. Moscow, 2007.

Vorkachev S.G. *Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept* [Happiness as a linguistic culture concept]. Moscow: ITDGK «Gnozis», 2004, 192 p.

Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. *Schast'e i naslazhdenie v russkoj yazykovoj kartine mira* [Happiness and enjoyment in the Russian language picture of the world]. In: *Klyuchevye idei russkoj yazykovoj kartiny mira*. Sb. st. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. 2005, pp. 153–175.